

Андрей Талиевич

Одесские зарисовки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Вячеславович Талиевич

Одесские зарисовки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39464547

SelfPub; 2018

Аннотация

Мы восхищаемся «одесским юмором», мы смеемся над очаровательным «одесским языком», придуманные одесситами одесситы давным-давно перекочевали из литературы в фольклор. При этом, никто не объяснит внятно причину этого очарования. Что-то мистическое, наверное. Обо все этом «Одесские зарисовки». Не знаю, почему автор так назвал свою книгу – словно стесняясь немного. И совершенно зря: «Одесские зарисовки» – книга полноценных рассказов, ибо каждый рассказ словно дополняет другой. Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

Андрей Рюриков

ОДЕССКИЕ ЗАРИСОВКИ

Страна под названием Одесса...

Одесса – город-миф. Таких немного. На бывшем пространстве Союза – всего три, причем два из них – столицы, и потому их мифологизация неудивительна. Но вот Одесса... У меня нет тому объяснения – в логической сфере. Потому что у теплого моря? Но и весь Крым мой родной – у моря. А ни Симферополь, ни Севастополь городами-мифами не стали (советская героизация Севастополя – это, скорее, анти-мифология). Но Одесса... Мы восхищаемся «одесским юмором», мы смеемся над очаровательным «одесским языком», придуманные одесситами одесситы давным-давно переключались из литературы в фольклор... И притом, повторяю, никто не объяснит внятно (я, во всяком случае, не нашел такого объяснения) причину этого очарования. Что-то мистическое, наверное. Обо всем этом вспоминал я, читая книгу «Одесские зарисовки». Не знаю, почему автор так назвал свою книгу, – словно стесняясь немного. И совершенно зря: «Одесские зарисовки» – книга полноценных рассказов, мало того, по сути произведение со сквозным сюжетом, ибо каждый рассказ словно дополняет другой. Удивительное ощущение у меня складывалось по мере чтения: мне казалось, что вместе со мной к чтению подключались персонажи прочитанного. словно бы герой предыдущего рассказа вежливо и неслышно заглядывал в книгу, интересуясь похождениями

прочих своих земляков. И это – один из важных плюсов, отличающих «Одесские зарисовки»: только герои, получившиеся живыми, могут позволить себе такую вольность. Нет никакого резона пересказывать сюжеты «Зарисовок». Во-первых, пересказать рассказ – значит, просто рассказать его своими словами и тем самым лишить читателя удовольствия познакомиться со словами авторскими – а это авторский индивидуальный язык, неуловимо отличающийся от привычного многим «одесского языка», придуманного некогда великим Бабелем и ушедшего в анекдоты. Во-вторых, цельность книги – это ее особенность, которую передать в пересказе вряд ли удастся. И, наконец, в-третьих, при всей «комичности» ситуаций, рассказы эти – вовсе не анекдоты. Ибо под каждой комической ситуацией, под иронией авторской присутствует жизнь – а она вовсе не легка и не комична.

Ну что – я вас заинтриговал? Читайте! После обсудим.

Даниэль Клугер

Рибка

Алло...!

– Добрый день, агентство недвижимости «Вымпел». Я вас слушаю.

– Добрый день. Я хочу продать квартиру и купить другую в этом же районе, только без этой моей соседки Софы, которая так разбирается в гефилте фиш, как я в том их гопаке! Ви можете себе представить меня скачущей гопак?

– Ну... Я даже не знаю, что сказать...

– Вот и я о том! Так что вы мне скажете? Я смогу избавиться от этой Софы?

– Мне, как минимум, надо посмотреть квартиру и документы...

– Ой, я вас умоляю! Приходите и смотрите что хотите! Вы можете даже посмотреть и на эту халамидницу Софу, которая в шесть часов будет развешивать свои безразмерные трусы на весь палисадник!

...Двор встретил меня аккуратными окрашенными палисадниками, развесистыми гроздьями винограда и запахом жареных «бичков». И даже не спрашивайте меня, как я определил, что жарились именно «бички». Если вы родились и выросли в Одессе, да ещё в старом дворе, то с легкостью по одному запаху различите одесского свежесловленного на банке дядей Яшей «бичка» от банального, в сухом льду, карася из супермаркета.

– Молодой человек! – открылась дверь в середине двора. – Вы ко мне?

– Думаю, что да. Я из агентства «Вымпел».

– Ой, не надо ничего говорить! Пусть они помучаются! Софа! – крикнула женщина в глубину двора, – сиди жарь бичка и мучайся за то, какой мужчина пришел ко мне! – и женщина впустила меня в квартиру.

– Добрый вечер. Меня зовут Андрей Витальевич. Давайте вначале осмотрим вашу квартиру, глянем документы и затем обсудим, чем я смогу вам помочь.

– Ой, смотрите что хотите. Ви будете чай или кофе? Я вас так ждала, так ждала, что заварила и то и то! – затараторила хозяйка, женщина лет пятидесяти с ярко накрашенными губами, мощным волевым подбородком и неопределенной фигурой. – Вот здесь у меня санузел. Не то чтобы он был большой, но душевая кабинка вполне вместилась. Раньше стояла ванна, но как умер мой Фимочка, я после ремонта поставила кабинку с радио. Ведь для кого мене теперь те ванные принимать, когда Фимочки нет? А так быстренько душ приняла и побежала на Привоз поговорить и даже кое-что купить. Да, а вот здесь у меня спальня дочери. Она сейчас в Хайфе. Ви были в той Хайфе? Нет? И правильно. Если Ви живёте в Одессе, то вам незачем туда ехать! Все то же самое, только жарче. Да, а вот здесь кухня. Здесь я поругалась с этой Софой. Видите ли моя фаршированная рыба ей чересчур сладкая! Нет, ви только посмотрите на неё! Моему Фимочке моя рыбка была хороша, дочери хороша, всему двору в «хорошие дни» тоже нравилась, а этой Софе слишком сладкая! Ну так как мы решим вопрос, молодой человек? Ви оградите мою рыбку от таких критиков?..

Сваты

В центре Одессы, на Дворянской, буквально в квартале от Соборки, от которой легче пройти, чем даже посмотреть до Дерибасовской, есть в полуподвальчике кафе Коррида. Почему именно Коррида, какое это убийственное для быков мероприятие имеет отношение к Одессе и улице Дво-

рянской – понять трудно. Еще труднее понять, какое отношение имеет это кафе с сомнительным кофе, но вполне достойным чаем, к влюбленным друг в друга Лиде Фельдман с улицы Канатной и Славке Белоусову с Мясоедовской и их родителям, понявшим, что их дети уже таки да, – должны закрепить свою любовь чем-то большим, чем пылкая юношеская страсть. Особенно этот вопрос волновал Петра Борисовича Фельдмана (а по паспорту Пинхас Борухович, но таки Фельдман, а для родни и близких просто Пиня), который видел, как его дочь благодаря этому, даже не геру Славке, просто на глазах из его маленькой девочки превращается в женщину. Войдя в кафе вместе с братом Семой, который был взят для моральной поддержки, Петр Борисович оглядел зал, увидел за дальним столиком дочь, которая, положив свою голову, обрамленную копной рыжих, вьющихся волнистыми локонами волос, на плечо Славика и что-то читала вместе с ним в планшете. Несколько секунд отец любовался дочерью, затем кинул недобрый взгляд на Славика, чертыхнулся, уселся за стол, брезгливо осмотрел его и нетерпеливо застучал пальцами по краю стола.

– Сема, и вот за этого гоя я должен отдать свою Лидочку? Я не верю сам себе, Сема, ущипни меня! – обратился Петр Борисович к брату.

– Ша, Пиня, не делай себе большое сердце. Сколько, ты говоришь, они вместе? С первого курса? И ты думаешь, что все эти пять лет они только и пялятся в этот планшет? Я так

смотрю, что выбор у тебя не такой и большой. К тому же видно, что нормальный парень. Пройдет гиюр и будет наш.

– Ох, Сема, я даже не знаю. И где этот его папа? По телефону же договорились на шестнадцать ноль ноль!

– Пиня, сейчас без пяти минут. Так что помолчи, закажи чай и дай нервам покой.

Тут в зал вошел крепко сбитый, с мощным бычьим затылком, стрижкой бобриком и колючим взглядом мужчина в сопровождении своей копии. Мужчины оглядели зал, увидели молодых влюбленных, синхронно улыбнулись, затем глянули на Петра Борисовича и Семена, опять же синхронно наморщили лоб и направились к столу сватов.

Вошедшие были жители Молдаванки – отец жениха Бронислав Иванович и его брат-близнец Олег Иванович Белосовы.

Стороны встретились без жён, чтобы не усугублять и так непростые переговоры о свадьбе.

– Итак, – сразу взял быка за рога Петр Борисович, – я беру по свадьбе все расходы на себя. С моей стороны будет пятьдесят человек. С вашей – сколько пожелаете. Мои условия: свадьба по нашему обряду, Славик проходит гиюр.

– Что Славик проходит? – тихонько переспросил у брата Олег Иванович.

– Гиюр, – хмуро ответил отец претендента в геры.

– И шо это? – опять тихо спросил Олег Иванович.

– Обрежут пацана, – ответил брату Бронислав Иванович

и зло посмотрел на свата.

– Так, слушай теперь сюда, сваток, – положил могучие кулаки на стол Бронислав, – кто платит, тот и сценарий пишет! Я оплачиваю свадьбу. С моей стороны двести человек. С вашей – сколько хотите. Хоть всю Хайфу приглашайте – билеты тудой-сюдой за мой счет. И чтоб никаких геров и гиуров! Венчание в Свято-Успенском соборе. Точка. По рукам?

– Свадьба на двести пятьдесят наших, ваших – сколько хотите, плюс детям по новенькому BMW и все по нашему обряду. Иначе родня не примет детей, – робко встрял Сема и вопросительно взглянул на брата. Петр Борисович одобрительно и несколько победоносно глянул на оппонентов.

– Всё вышесказанное, плюс дарю молодым двухкомнатную квартиру на Французском бульваре. Но только венчание! – парировал Олег Иванович и с вызовом посмотрел на Семена.

Семен под стальным взглядом старого молдаванского босяка вдавил голову в плечи и почти шепотом произнес:

– Круиз! Кроме всего оплачиваю круиз вокруг Европы. Но свадьба только через гиур!

– Так, я вижу, что мы не договоримся, – шумно поднял мощное тело Бронислав Иванович.

– А ну сидеть! – никто не увидел, что дети уже давно подошли и наблюдают за родителями, которые так увлеклись планированием их будущего и даже не заметили, что чуть не похоронили его под грудой своих желаний и требований.

– Сидеть! – повторила Лида. – А теперь слушайте сюда, папаши. Никаких обрядов. Никаких обрезаний и венчаний. ЗАГС, самый ближний круг родни и друзей. И всё. Ясно?

И Лида пошла к выходу.

– А с квартирой на Французском, BMW и круизом вокруг Европы – это вы хорошо придумали! – усмехнулся Славка, – так что эти подарки не забудьте преподнести на свадьбу! – жених грозно постучал указательным пальцем по столу и ушел за любимой.

Отцы и дяди молча посидели растерянно глядя вслед ушедшим детям, потом переглянулись и громко, от души рассмеялись.

– Пиня, – протянул свату руку Петр Борисович.

– Броня, – пожал протянутую ему руку отец Славика, – Официант, сделай нам бутылочку лучшего коньяка и что-нибудь к нему соответствующее закусить.

Веский аргумент

Старый клен сыпал красно-желтую листву на покосившийся стол, который соорудили ещё мой и Виталика деды лет пятьдесят назад.

– Так, Андрей, я играю белыми, – ультимативно рубанул фразой Виталик, – иначе даже не сажусь играть!

– Мне всё равно, – успокоил я соседа и высыпал на стол шахматные фигуры.

Партия шла тяжело, медленно. Виталик ферзем, ладьёй и слоном загнал моего короля в угол, а мой ферзь был от-

резан от развивающейся на доске драмы двумя конями, вторым слоном и опутан тремя пешками противника. Виталик явно ликовал в предчувствии скорой победы, расслабился и решил отвлечься от игры.

– Уйду я от Симы, Андрей. Пацаны уже взрослые, старший вон внуков скоро подарит. Младшего летом отправлю в первый рейс – и уйду.

– Куда это ты собрался уходить? – оторвался я от шахмат и удивленно уставился на Виталика.

– Ты видел мою продавщицу Оленьку?

– Какую Оленьку? – старался я вспомнить всех наших общих знакомых женщин.

– Помнишь ты у меня в магазине весной кроссовки брал? – наводяще спросил сосед.

– Ну? – ничего ещё не понимал я.

– Что «ну»? Вспомни, кто тебе кроссовки помогал выбирать? – Виталика явно начинала раздражать моя несообразительность.

– А, это такая крупная шатенка лет сорока? Помню. И что?

– Шатенка лет сорока – это Вика на кассе. Она тебе чек выбивала. А я тебе за менеджера зала говорю, Оленька, блондинка.

– Худенькая девочка лет двадцати? – наконец я смутно вспомнил, о ком речь.

– Не двадцать ей, а двадцать три, – нервно поправил меня

Виталик. – И как тебе она?

– А как она может быть мне? Ребенок старается, работает в твоём магазине, кроссовки, которые она мне посоветовала взять, еще не расползлись. Все нормально, Виталик, нормальный продавец.

– Андрей, ты что, тупой? – Виталик уже даже не пытался скрыть злости. – Это я к ней буду уходить от Симы!

– Виталик, я тебе задам вопрос, а ты, сложив всё логически, постарайся сделать так, чтобы я тебе не выбил еще раз зуб, как в седьмом классе, а ты мне не поставил фингал, как тогда же. Виталик, сколько тебе лет? Нет, лично я это помню, но хочу удостовериться, что ты тоже не забыл.

– При чем тут это? – сердито отрезал сосед.

– Тебе 48. Повторяю для одного из нас: тебе, мля, сорок восемь полновесных лет! Отягощенных язвой желудка, пивным животом, одышкой, расстроенной нервной системой, двумя детьми, где старший сын будет старше мачехи, приближающимися внуками, простатитом, тотальным облысением головы. Ты давно видел себя в зеркало? Я не о причёсать волосы говорю. Когда выйдешь из ванны, не торопись одеться, а подойди к зеркалу, посмотри на себя и задай себе один вопрос: «за что красивая маленькая девочка Оленька меня, вот такого лысоватого пузатого старого борова может полюбить?». И если найдешь хоть один убедительный положительный ответ, то тогда можешь смело бросать Симу. Кстати, Сима в курсе, что летом она снова, как двадцать во-

семь лет назад, станет невестой?

– Нет, не знает... Я думаю, что не знает... Хотя может догадываться...

– Ага! Может догадываться. Зная Симу, думаю, что она знает больше, чем ты думаешь. Кстати, а откуда у тебя появилась эта продавщица Оленька? И откуда она родом?

– Она из Балтского района. По объявлению пришла.

– Да ты что! Балтский район, говоришь? По объявлению? Когда тебя сыновья или внуки спросят, где ты нашел им маму, то ты так и скажи: «по объявлению в Балтском районе, дети мои». Кстати, а много у нее там родни? Я имею в виду братьев, дядей? Папе её сколько лет?

– Не знаю. А что?

– Да ничего. Просто интересно, сколько тебя человек бить придут, когда узнают, что их дочь живет с дедом.

– Так, партия явно не сложилась! – нервно стал складывать фигуры Виталик. – Ты, Андрюха, всегда, когда видишь, что проигрываешь, делаешь так, чтобы прервать игру и не получить полновесный мат! Испортил мне вечер только! Сколько зарекался с тобой не садиться играть!

– Ну-ну, не злись, Виталик. Недоигранная партия – это ещё не самое худшее в жизни. Главное – жизнь не проиграть. Особенно на финальном её этапе. – успокаивал я друга.

– Ну тебя к чёрту с твоими философиями! – махнул в мою сторону рукой Виталик и пошёл домой.

... Через неделю, поздним вечером, в хмурую пятницу, в

квартире Виталика и Симы были слышны скандал и звон разбиваемой посуды.

...Август обдувал лицо воздухом, пахнущим горячим асфальтом. Во дворе Виталик пытался пристроить в переполненный багажник машины ещё один чемодан.

– Привет, Виталик. Помочь?

– О, здорово, Андрей. Поддержи вот здесь снизу а я постараюсь запихнуть.

– Неужели таки решился, Толян?

– Что решился? – перестал пристраивать чемодан сосед.

– Ну это... к Оленьке...

– А-а, ты за это? – рассмеялся друг. – Нет, это мы с Симой квартиру на Кипре купили и едем там провести месяц. Что-то типа медового, – улыбнулся друг. – А ту Олю Сима ещё осенью выгнала. Оказывается та блондинка балтская была нечиста на руку. Краля из кассы, представляешь?

– Да ты что? – улыбнулся я, – Не может быть!

– Да! Сима пришла с проверкой и все раскрыла! Скандал такой был, что я стал переживать за сердце Симочки. Но она молодец, стойкая у меня. Купила этой воровке билет до Балты, сказала, что если ещё появится в Одессе, то сдаст ее полиции, посадила на электричку и отправила на родину. Вот такие, Андрюха, эти балтские красавицы. К ним со всей душой, и работу – пожалуйста, и душу на распашку им, и снять квартиру сможешь. А они только и думают, как в карман тебе залезть... – сокрушался друг.

– Кто бы мог подумать! Но ты не расстраивайся, Виталик... И береги Симу!

Дорогое сердце

«Чай или кофе? Лучше кофе. Хотя... Сколько я его сегодня выпил? Чашки три? Тогда чай. Зеленый? Черный? Да какая разница. Лишь бы время убить. Как я не люблю эти бессмысленные дежурства в офисе, когда вместо того, чтобы заняться работой, сидишь тут как школьник на уроке нелюбимой геометрии...»

Звонок.

– Алло, агентство недвижимости слушает вас!

– Добрый день, – вкрался мне в ухо бархатный приятный грудной женский голос, – я вам звоню по объявлению. Меня интересует двухкомнатная квартира на Льва Толстого. Я могу её посмотреть?

– Да, конечно. Когда вам угодно взглянуть на квартиру?

– Сегодня в три часа дня можно? – щекотала мне ухо бархатным голосом телефонная трубка.

– Я сейчас узнаю и перезвоню вам.

– Наташа, – обращаюсь я к коллеге за соседним столом, – тут по твоей «двушке» на Толстого звонят. Хотят в три часа смотреть. Расскажи мне вкратце о ней.

– А что рассказывать? – разрезая яблоко на дольки, Наташа одну протягивает мне. – Квартира хорошая, хоть без особого ремонта, но чистая, – жуя, хрустит яблоком коллега, – комнаты отдельные, кухня проходная, колонка газо-

вая, АГВ, есть балкон, хозяйка говорит, что срочно нужны деньги, думаю, что небольшой торг возможен, по документам купля – продажа, незаконно и арестов нет. Покажешь без меня. У меня с 14-00 «цепочка» просмотров на Таирова.

– Ясно. Договаривайся на просмотр в три часа...

– Здравствуйте, вы Андрей, – голос я узнал сразу. Передо мной стояла симпатичная молодая женщина средних лет со статной фигурой, внимательными синими глазами, чувственным ртом, большим благородным лбом и волосами, стянутыми пучком на затылке.

– Марина? Добрый день. Садитесь в машину, нас уже ждут...

Вход в квартиру был с арки крепкого трехэтажного дома. Звоню, дверь открыла пожилая сухошавая женщина с бледным пергаментным лицом и синюшными губами.

– Здравствуйте, – вымученно улыбнулась она, – вы квартиру смотреть? Заходите.

Квартира действительно была чистенькая и ухоженная. Немного диссонировала мебель. Было такое впечатление, что её сюда свезли с нескольких квартир или из квартиры большей площади.

– Скажите, и что вы хотите за вашу квартиру? – деловито осмотрев всё, спросила Марина. Она явно была готова торговаться.

– 26 тысяч. – ответила несколько нервно хозяйка.

– Торг есть?

– Нет. На нас ложатся ещё большие траты по налогам. Мы только два года как её купили.

– А почему продаете, что-то не так? Что вам не подошло? – насторожился я.

– Что вы! – махнула рукой хозяйка, потом закачалась, опёрлась рукой о стол и упала на подставленный мною стул. – Ой, спасибо вам, – обратилась она ко мне. – Нам тут всё подходит с мужем. Жили бы и жили! Вот только сердце у меня... Думали, что кардиостимулятора еще хоть на несколько лет хватит, а нет. Нужно менять. И срочно. Поэтому продаем квартиру. Уступить не можем. Шесть тысяч будет стоить новый стимулятор. На оставшиеся нужно купить жилье.

– Но что вы купите на оставшиеся деньги? Вы же ничего из самостоятельных квартир не найдете. Только комму-ну... – уже более мягко, без торгашеской агрессии спросила покупательница.

– Я понимаю. Я уже совсем не хотела ничего продавать. Думала будь что будет! Сильно дорого это моё сердце нам с Толечкой обходится. Какая квартира у нас на Белинского была! – покачала своим воспоминаниям головой хозяйка, – но Толик сказал, что для него нет ничего в мире дороже моего сердца. Вот и подчиняюсь супругу. Толик говорит, что если в Одессе ничего самостоятельного не найдем, то поедем в Николаев жить. Там квартиры дешевле. Лишь бы вместе быть. Рай в шалаше. Он у меня романтик, – улыбнулась синюшными губами женщина, – какой был почти полвека на-

зад, таким и остался...

Назад мы с Мариной ехали молча. В машине стояла гнетущая тишина.

– А знаете, Андрей, я не буду с ними торговаться! 26 так 26! Квартира мне понравилась! – решительно махнула рукой покупательница.

– Вы сделаете большое дело, Марина! Спасете человеческую жизнь. И, возможно, даже две жизни...

Незванный гость

Часы уже отбили начало следующих суток, гости давно разъехались по домам, именинник Виталий Андреевич уже в домашнем халате сидел в глубоком кресле, курил и с наслаждением допивал отличный домашний ликёр, пока его супруга Татьяна Викторовна гремела на кухне посудой.

Звонок в дверь наморщил лоб Виталию Андреевичу недовольством.

– Танюша, иди глянь, кого там черт принес в такое время. Уже почти час ночи.

– У меня мокрые руки, иди сам открой, – устало отозвалась из кухни супруга.

Виталий Андреевич, доставая свое тело из глубины мягкого кресла, досадно крякнул и пошёл открывать дверь.

– Шурик, здравствуй дорогой! Рад, очень рад, – приклеил радушную улыбку на лицо Виталий Андреевич, – как я рад, что ты меня не забыл! Но почему так поздно? Давай, быстрее заходи, сейчас помогу снять пальто, не вздумай снимать

обувь! Танюша!, – почти пропел в сторону кухни Виталий Андреевич. – ты только посмотри, кто пришёл! Это же сам Александр!

– Я очень рада, – несколько двусмысленно усталым голо- сом ответила Татьяна Викторовна.

– Здравствуйте Татьяна, – крикнул в сторону кухни Алек- сандр. – Извините, что так поздно, совершенно непредви- денные обстоятельства задержали меня прямо у вашего дво- ра, с именинником вас, я не надолго. Поздравлю и сразу убе- гаю.

– Ну уж, друг, от меня ты так просто не уйдешь, – бисе- ром рассыпал гостеприимство Виталий Андреевич. – Таню- ша, неси-ка нам что-нибудь выпить-закусить!

– Сейчас! – громче обычного зазвенела посудой Татьяна Викторовна.

Тут в дверь снова позвонили. Нетерпеливо позвонили еще раз, потом еще и ещё...

– О! Ещё гости! Видать я пользуюсь популярностью толь- ко после полуночи, – попытался пошутить именинник. В ко- ридоре раздались громкие женские голоса, затем женский возглас: «это точно он, пустите меня, Таня, я хочу его ви- деть!» сделал лицо Виталия Андреевича бледным, а глаза воровато бегающими. В комнату ворвалась соседка Сима и кинулась к гостю.

– Это вы сегодня спасли мою маму у ворот и отвезли её в больницу?

Шурик молча кивнул.

– Представляешь, Виталик, – обратилась соседка к хозяйну дома, – Мама пошла хлеба купить, гляжу – пол часа нет, час. Я вся извелась, выбегаю на улицу, а Дора из 48 дома мене и говорит, что мама упала, какой-то мужчина спасал её, дышал ей в рот и бил в грудь. Откачал, вызвал «скорую» и сопроводил в Еврейскую больницу. Потом эта Дора мене сейчас сказала, що мужчина вернулся в наш двор. Все квартиры обежала в поисках. Это вы? – повернула заплаканное лицо к Шурику Сима. Александр снова молча кивнул.

– Спасибо, спасибо вам за маму! – редела Сима.

– Что ж ты молчал, Шурик? – совсем искренне удивился Виталий Андреевич. – почему не позвонил мне? Мы бы машиной быстрее любой «скорой» домчали маму Симы в больницу!

– Растерялся я... – пожал плечами и совсем скис Шурик.

– Таня, бегом неси всё на стол! К черту День рождения! Тем более новый день наступил. Выпьем за нашего гостя!...

Дружба

Никто не знает, откуда он появился, как его звали и сколько ему лет. Он просто пришёл и сел напротив входа в школу. Судя по стоячим ушам, росту и окрасу, в его роду явно присутствовала немецкая овчарка.

Мы вывалились из школы весёлой гурьбой в снежный зимний предновогодний детский рай, лепя на ходу снежки и беспорядочно их кидая друг в друга. Я кинул в Витьку, вдруг

пёс в прыжке пастью поймал снежок, раскусил его, подбежал к Витьке, положил могучие лапы на узкие худенькие плечи ребенка и несколько раз лизнул лицо опешившего пацана.

– Не, пацаны, вы видели? Вы это видели? – пришел в себя Витька. – Вы видели как он Андриюхин снежок поймал? А как потом меня лизнул?

– Как тебя зовут, пёс? – обратился Витя к псу. Пес в ответ гавкнул и сел перед пацаном.

Витя полез в школьный ранец, достал из него сладкую, щедро посыпанную подтаявшим сахаром булку-восьмёрку и отдал псу. Пес проглотил булку, даже не разжевывая.

– Так ты голодный. Как тебя зовут? Шарик? Тузик? Мухтар? Джек? Джульбарс?

И тут пес залаял.

– Джульбарс! Так ты Джульбарс! Будешь у меня Барсом! Барс, пошли! Рядом! – и пёс послушно пошел с ребенком.

Витя жил недалеко от школы, на Буденного. Витя был долгожданный, выстраданный и вымоленный поздний единственный сын в одесской интеллигентной семье, где отец, Игорь Арнольдович, работал старшим научным сотрудником в НИИ, а мать, Наталья Павловна, чем-то заведовала в ГОРОНО. Знаю одно, что Витину маму очень уважали и боялись преподаватели и даже директор нашей школы.

Первую ночь сытый и довольный Барс провел в наскоро сооруженной Игорем Арнольдовичем будке в палисаднике, вторую, аномально холодную, в коридоре квартиры, а через

неделю уже спал в комнате Вити под его кроватью, откуда Барс не вылезал ни за какие вкусняшки и угрозы. Утром Барс в любую погоду провожал Витю в школу, сидел, упорно ждал конца уроков, Витя выходил, давал Барсу булку-восьмерку, которую тот съедал, не разжевывая, одним глотком, и мы шли домой.

– Эй, пацаны, а ну стоять! – вывалились из-за угла Высокого переулка несколько приבלатнёных пацанов лет по 17-18 в морской форме учеников «рыбки». – Деньги есть, малолетки?

– Нет у нас денег. – ответил я.

– А ты что такой борзый, пацан? – подошел ко мне один из приבלатнённых, схватил за лацканы пиджака и выпустил папиросный дым мне прямо в лицо.

– Не тронь его! – крикнул Витька и схватил хулигана за локоть.

– Что? Пацаны, а ну потрусите этого «буратину»! – обратился тот к своим товарищам.

Один из них схватил Витьку за руку и потянул к себе. Вдруг Барс прыгнул на грудь нападавшего, повалил на землю, ощерился огромными жёлтыми клыками и залаял. Морячок онемел от ужаса и замер.

– Барс, фу! Ко мне! – и пес послушно подошел к ребенку.

– Эй, ты, отпусти Андрюху! – крикнул осмелевший Витька продолжавшему меня держать за лацканы приבלатнённо-му.

Тот отпустил меня, и морячки исчезли за углом Высокого переулка.

...Сильный ливень прекратился так же неожиданно, как и начался.

– Барс, пошли гулять! Бегом, пока снова дождь не пошел! – и Витька с Барсом побежали по Буденного в парк Ильича.

Неожиданно начавшийся ураган ломал ветки деревьев, переворачивал металлические мусорные баки, вырывал шифер крыш и нёс всё это смертоносным потоком по улицам Молдаванки. Витька и Барс бежали по безлюдной улице домой.

– Быстрее, Барс, быстрее! – кричал Витька другу.

Вдруг раздался металлический звон и сверху сорвавшийся электрический провод ударил пса. Барс взвизгнул, подлетел от удара вверх и упал бездвижно в лужу.

– Бааарс! Барсичееек! – истерично, фальцетом закричал ребенок, побежал к псу и не заметил, как стал на электрический кабель...

...Прошли годы, десятилетия, подрастает уже второе поколение, которое не помнит ни Витьки, ни его верного друга Барса. Давно нет ни Игоря Арнольдовича, ни его грозной супруги из ГОРОНО Натальи Павловны.

Весна. Проводы. Я иду по одесскому Второму Христианскому кладбищу, ищу могилы родственников. Вон тут лежит мой дед. А вот, через ряд, лежит Витька. Надгробие трес-

нуло, могилка неухоженная, совсем заросла. Но памятная плита, на которой изображен веселый улыбающийся пацан в тельняшке, у ног которого сидит, чуть наклонив голову набок, его верный пёс Барс, стоит прочно.

Так они и вошли в вечность – одесский паренёк Витька, пес Барс и их Дружба...

Профессионал

Солнце. Яркое слепящее, но холодное ноябрьское солнце пряталось за дома, окрашивая их крыши в красный цвет. День подходил к концу. Старое одесское кафе на Молдаванке встретило меня кивком головы бармена Толика и сводящим с ума запахом хорошего кофе.

– Чашечку кофе, Толик.

– Уан момент, мой друг, – ощерился подобием улыбки бармен. – Тебе с коньяком?

– Нет. Вечером за руль еще садиться. Просто черный кофе без сахара. – присаживаюсь я за столик в дальнем углу у окна.

– Здравствуй, сосед. Как дела? – присел за мой столик худой бледный старик, дядя Веня, одиноко живущий в самом конце двора в однокомнатной маленькой квартирке. Он поставил на стол бокал пива и начал деловито разделявать сушеного «бичка», лишая его головы и разрывая вдоль.

– Здравствуйте, дядя Веня, – улыбнулся я старику. – Дела нормально. А как вы поживаете?

– И не спрашивай! – дядя Веня только и ждал моего де-

журного вопроса. – жизнь просто ужасна! И ты, наверное, решишь, что старик Вениамин сейчас начнет тебе в ярких красках описывать свои проблемы с пищеварением и простатитом? Так я тебе скажу, что таки нет. Желудок вполне себе работает и справляется даже с пивом и шашлыками. Скажу больше, мне иногда снится моя покойница Маруся. Только молодой, какой была в пятидесятых. И если бы ты подсмотрел, что мы с ней выделяваем в тех снах, то понял бы и за то, куда я имею тот простатит, которым нас пугают в телевизоре.

– Ну так всё шикарно, дядя Веня! Здоровье – главное!

– Эх вы, молодежь! – бросил разделявать рыбку сосед и осуждающе поднял на меня глаза. – Разве кто спорит, что здоровье – главное? Но нужно иметь себе в виду, что кроме личного есть еще и общее здоровье. Здоровье общества, народа. А вот с этим таки есть проблемы. И очень большие.

– Тут не поспоришь. Общество действительно больно...

– Да, общество больно. И больно так, что уже не может себя обслуживать. Вот у меня потекла труба. Старая ржавая труба. Думаешь дядя Веня такой шлимазл, что пошел писать письма в ЖЭК, чтобы они мне прислали того пьяницу Бору, который там сидит, потому что больше нигде не нужен? И правильно делаешь, что так не думаешь! Я просто сел за свой компьютер, нашёл на сайте профессионалов-сантехников и пригласил их к себе. Пришел мальчик лет тридцати, договорились о цене ремонта, я дал ему денег на купить пластиковую трубу и всякие переходники и уголки. Пришел че-

рез час. И что ты думаешь? – с усмешкой отпил пива дядя Веня. – уголки перепутал этот специалист, и размер трубы не тот. Пошел менять. Приходит еще через час. Старую трубу турбинкой отрезал я сам, так как он чуть не распилил мне бочок унитаза напополам. А когда он начал паять, то у меня чуть не приключился инфаркт! И ты мене еще будешь за здоровье нервы делать! Я, когда уже вырвал у него из рук паяльник и паял сам, его спросил, где делают таких сантехников, узнал, что в Тарутинском районе в тракторной бригаде. А когда бригады не стало, то улучшал квалификацию охранником в универсаме «Сельпо». А теперь уже два года как сантехник! Два года! Два года этот тракторист-охранник гробит людям унитазы, сливные бачки и трубы! Вот ты меня знаешь. Я пришел в пароходство после четырнадцатой бурсы матросом-мотористом. Заочно закончил «вышку» и отработал на одном судне двадцать пять лет, закончив карьеру стармехом. И ребята у нас в команде были все профессионалы, годами учившиеся и десятилетиями работавшие на одном месте. Профессионалы высочайшего класса, знавшие своё дело лучше всех в мире! А сейчас? Самолеты у них не летают, машины не собираются, трубы не паяются. Трактористы – и те бывшие.

Настя

Октябрь бил в лицо косым холодным дождем, заставляя редких прохожих опускать голову и ускорять шаг. Захожу во двор. Прямо у ворот стоит промокшая, трясущаяся от холода

пятилетняя соседская девочка Настя.

– Настюшка, чего стоишь мерзнешь? А ну марш домой!

– Ннее могу, – тряслись от холода плечики девочки. – Там кот дорогу перешёл.

– Ну и что? Давай беги домой.

– Ну вот как вы не понимаете, дядя Андрей! Ведь кот чёрный! Нельзя переходить – горе будет!

– Это ж кто тебе такое сказал?

– Мама! – Настя авторитетно подняла указательный палец вверх: – Если чёрный кот дорогу перейдет, то идти нельзя, иначе горе будет!

– Да? А что еще сказала мама?

– От глаза нужно красную верёвочку носить. Вот, как у меня, видите? – девочка показала красную нитку, опоясывающую кисть руки. – Еще когда тебя хвалят или говорят, что ты красивая, то надо плюнуть три раза через левое плечо.

– А папа что говорит на это всё?

– А папа говорит, что пусть мама любой дурью мается, лишь бы, пока он в рейсе, приключений на между ног не искала.

– Мудрый папа у тебя.

– Да, самый мудрый и самый лучший! Я скучаю за ним. Их корабль сейчас в Индии.

– Слушай, мы тут совсем замерзнем. Пошли домой.

– Ну вот ты совсем как маленький, дядя Андрей. Я же тебе объясняю – нельзя ходить там, где чёрный кот перешел

через дорогу!

– А мама дома?

– Нет. Работает. Копеечку нам на ужин зарабатывает.

– А кто дома?

– Брат Витька. Уроки делает.

– Слушай, если нельзя ходить, где черный кот прошел, то давай перелетим!

– Это как?

– А вот так. – С этими словами я взял Настю под мышки, поднял повыше и понес прямо к двери ее квартиры, позвонил в дверь. Вышел семиклассник Витя.

– Привет, Витя. Переодень сестру в сухое и напои горячим чаем. Сделаешь?

– Конечно, дядя Андрей...

Приличные люди

Старое одесское кафе на Молдаванке, куда я зашел выпить кофе, встретило меня приветливым кивком бармена Толика и почти пустым залом.

– Привет, Толик. Мне чашечку заварного без сахара.

я сел в дальнем углу у окна. В правом дальнем углу, через стол сидел грузный мужчина лет пятидесяти, перед ним стоял бокал под коньяк с плескающейся на дне янтарной жидкостью и блюдец с квадратным ломтиком шоколада и долькой лимона. Мужчина поднял бокал, кисло скривился, потом решительно влил жидкость в рот, на секунду застыл с закрытыми глазами, потом судорожно положил в рот лимон,

до слез в глазах скривил мокрые губы, затем положил в рот шоколад и начал быстро жевать эту гремучую кисло-сладкую смесь, оглядывая оживленным взглядом зал. Встретившись взглядом со мной, мужчина улыбнулся и произнес:

– Пить с утра пораньше – это таки просто ужас. Если бы не вчерашний банкет, то меня в такую рань коньяк пить и под пулеметами не заставишь. – потом он повернулся к бармену: – Толик, сделай ещё так же! – потом снова обратился ко мне: – Вы таки думаете за меня, що за того алкаша с Покота. И радикально ошибаетесь.

– С чего вы взяли? Я ничего не думаю такого. Вижу, что у вас был очень насыщенный вечер и не более того...

– Вот тут вы угадали! Вечер был ещё тот! Вчера от меня окончательно ушла жена. После четверти века совместной жизни и двоих общих уже выросших детей. Собрала вещи, пока я был на работе, вызвала машину с грузчиками, загрузила туда свои манатки и на этом четверть века спустила в унитаз. Оставила мне записку. «Витя, ты задолбал мне мозг за четверть века так, що старость я хочу встретить без дятла». Представляете? Четверть века я был Витечка-Витюлечка, а сейчас стал долбаным дятлом! Да, разрешите представиться. Виктор, врач-окулист. Кстати, зрение у вас вполне хорошее. Я это и так вижу. Глаз у меня намётан. А вот с женой промахнулся... – тут Виктор опрокинул в себя принесённый барменом коньяк, снова застыл на секунду, заел шоколадным квадратиком, задумчиво посмотрел в стол и про-

должил:

– Я вижу, что вы приличный человек, это сразу видно. Вы умеете молчать, когда это нужно. А это дорогого стоит и не всем доступно. И обувь у вас чистая. И это в такую слякоть на улице! Обувь о человеке говорит больше, чем лицо, слова и одежда вместе взятые. Вот вы приличный человек. Что вы мне посоветуете? Жениться? В 49 лет? Смешно. Дети выросли. У них своя жизнь и свои дети. Ведь я уже даже бабушка! Жена ушла. Вчера. И даже не к какому-нибудь молодому любовнику или новому мужу. В свою родительскую квартиру. Понимаете? Ушла не к кому-то, а от меня! То есть дело именно во мне! Надо в себе искать причины! И если даже найду, то что это даст? Исправлять себя в 49 лет? Смешно, не правда ли? – вопросительно и с надеждой посмотрел на меня Виктор.

– Знаете, думаю, что никогда ничего не поздно и всё возможно. Думаю, что вам стоит подождать пару дней, пока остынут угли обид и эмоций. И когда всё уляжется, позвоните супруге. Может, всё наладится ещё.

– Спасибо, спасибо огромное! Думаю, вы правы! – схватился за мои слова Виктор.

Спустя примерно неделю, остановившись на красный свет светофора, я увидел идущую по пешеходному переходу пару. Она держала обеими руками его согнутую в локте руку и смотрела ему в глаза, он, глядя куда-то вдаль, поверх людей

и домов, что-то увлеченно ей говорил, говорил, говорил...

Одиночество

– Алло, Андрей, это тетя Валя беспокоит, узнаёшь меня? Ты так и работаешь в недвижимости? – тараторил голос из моего детства.

– Да, тетя Валя, конечно узнаю! – вспомнил я соседку родителей.

– Мне надо с тобой срочно встретиться. Андрюша, можешь заехать ко мне?

– Конечно. Сегодня к шести вечера подойдёт?

...Дверь открыла худенькая чернобровая девушка лет двадцати пяти, интенсивно жующая жвачку.

– Здравствуйте. Мне нужна Валентина Георгиевна.

– Вы, должно быть, Андрей Витальевич? Бывший сосед бабушки? – спросила меня девица, перебрасывая жевательную резинку из левой части рта в правую.

– Если Валентина Георгиевна ваша бабушка, то да, – улыбнулся я девице.

– Бабушка скоро будет. Долго маршрутку ждала. А мне некогда, надо уходить. Вы заходите, подождите её, а я побегу.

С этими словами девица пустила меня в дом, а сама быстро юркнула в парадное, громко захлопнув за собой дверь. Квартира встретила меня пустотой. Мебель была вывезена. Только посреди гостиной стоял под горящей лампочкой одинокий стул.

Подошел к окну. Во дворе в песочнице возле старой большой акации играли дети, чуть поодаль на скамейке сидели и о чём-то оживленно разговаривали мамочки, периодически посматривая в сторону детишек.

В двери щелкнул замок, и в квартиру вошла тетя Валя.

– Здравствуй, Андрюша. Смотришь в окно? Узнаешь? Акация так и стоит во дворе. И песочница ещё мою Русланочку и тебя помнит. Ведь у вас был точно такой вид из окна, только на этаж ниже. Долго ждешь? А где эта задрыга Сима? Убежала, наверное. Извини, чаем напоить не могу с моим пирогом. Помнишь мои пироги? Как вы их, сорванцы, любили! А ты совсем седой стал, – растрепала мне волосы тетя Валя, – а моя Руслана как поправилась после родов, когда Симку родила, так и не может похудеть. Никакие диеты не помогают. Десять кило сбросит – пятнадцать наберет. А потом в скайпе жалуется и плачет – делает мене страшные нервы А ты как? Вижу, вижу, что всё хорошо. – тараторила без остановки тетя Валя.

– Тетя Валя, здравствуйте! – сумел вставить фразу я.

Тетя Валя с минуту молча смотрела на меня, потом мы оба неожиданно рассмеялись и она продолжила.

– Знаю, всё знаю. И даже то, что вы все, весь двор, включая даже твою маму, мою подругу, Томочку, царствие ей небесное, звали меня Трандычихой. И поделом звали, я сейчас говорю меньше, возраст, да и говорить стало почти не с кем, кто уехал, кто умер, а я все одна, мой Витечка умер,

Русланочка с мужем в Мурманске, как уехала моя девочка за Костиком туда по распределению, помнишь Костика с 37-го двора? Вот как уехала в 91-м – так там и живут. Он там помощником капитана на рыболовецком судне. Хорошо живут, а Сима – это их дочка. Она очень хорошо знает китайский язык, сейчас в Китае работает при торговой миссии, такая строптивая девчонка, просто ужас! Ходит и жует, жует постоянно, ни поговорить, ни узнать как дела, ни пожаловаться даже что болит невозможно, знаешь, Андрюша, иногда так схватит вот здесь, в левом боку – спасу нет! А рассказать некому! Только Ефиму Матвеевичу могу рассказать. Помнишь его? С 12-й квартиры. Терапевтом работал в поликлинике на Буденного. Вот ему могу рассказать, но эта его жена Зинка – сушая змея ревнивая! Смешно, правда? 70 лет – а все ревности, ха-ха! Ну не глупость? Ты меня слышишь, Андрюша? Ну так вот, к чему это я... А! Так вот внучка меня зовет в Пекин к ней пожить. Там же у меня правнук! Эдичек! Представляешь? Правнук – а я его ни разу не видела. Эта моя вечно что-то жующая задрыга Симка хочет, что бы я за Эдичкой там присмотрела. Она с мужем много работает, и им все некогда. А я всё тут одна и одна. Одинокое мне совсем стало. Раньше на Привоз пойдешь, поговоришь, расскажешь за себя, послушаешь за других. А сейчас? Куда там ходить? Там же никого нет на том Привозе! Вроде людей много, а никого нет! А так с внуком буду. Хоть и в этом чертовом Пекине. Такие вот дела, Андрюша. Симочка мою старую мебель

выкинула, завезет хорошую, современную, и мы хотим сдать квартиру, ну и чтобы кто-то присматривал за квартирантами и решал текущие вопросы. И кто кроме тебя это сможет сделать? Поможешь, Андрюша?..

Сашка

Вечер... Тёмный вечер кружил, уносил позёмкой последний день января 1994 года.

– Люся, зажги свечу, не вижу, где мой свитер, – бросил в темноту Лёня.

– Нет уже свечей. Закончились. Свитер в шкафу. Самая верхняя полка. Ты до утра уходишь?

– Да. На морвокзал судно пришло из Турции. За разгрузку неплохие деньги платят. Думаю, нам их хватит, пока в институте зарплату не дадут. Когда они перестанут по вечерам отключать свет?

– Ты ещё веришь в зарплату? – с горьким сарказмом улыбнулась Люся.

– Почему не зажжёшь камин? – ушел от больной темы Леонид.

– Закончились дрова.

Одевая свитер, Лёня зашёл в комнату сына.

– Не спишь, Сашка?

– Нет.

– Тут у папки появилась возможность немного заработать.

Что тебе купить? Вот что ты сейчас больше всего хочешь?

– Кушать хочу, папа. Купи покушать.

Лёня в темноте до синевы зажмурил глаза, пальцы вдавились в ладонь.

– Куплю покушать, сынок. Обещаю. Апельсины хочешь? – заставил себя улыбнуться Лёня.

– Да. И сыра хочу. Купишь?

– Да. И сыр тоже куплю, – потрепал по волосам Сашку отец и вышел из детской спальни в гостиную.

Люся сидела в кресле, черным зёвом подвывал камин, наполняя тоской холодную гостиную.

– Я иду. Буду утром. Что купить?

– Купи шоколада и коньяк. Хочу праздника. Очень хочу праздника и тепла. Как раньше. – обняла и поцеловала мужа Люся.

...Приближалось утро, Леня поднимался по лестнице на Торговую. Ныла спина, мышцы рук гудели болью от непривычной для кандидата наук физической нагрузки, на которую согласился бы не каждый грузчик. В руке пакет с апельсинами, сыром, коньяком и шоколадом, купленными в ночном ларьке с сонной продавщицей, в кармане целое состояние в виде тридцати долларов, которых точно хватит до конца февраля. «Что нам ещё с Люсей и Сашкой надо?» – улыбался будущему Леня.

Бах! Темная, с потухшими фонарями Торговая поплыла перед глазами, приближаясь заснеженной мостовой прямо в лицо. Через секунду Леня лежал, покрываясь снежной порошей, вокруг головы желтым нимбом лежали рассыпавшиеся

апельсины, а его карманы опустошали вредные чужие руки с наколотыми перстнями.

– О! Моня, ты глянь! Да тут нам сутки бухать и на баб хватит, – ощерился гнилыми чифирными зубами бандит.

– Подбери бухло, закусь и пошли на хазу, – прохрипел на парнику Моня.

...Люся сидела в кресле, ожидая мужа, холодом выль тёмный зев камина, навевая беду. За окном ветер кружил по-зёмкой первый день февраля 1994 года...

Молодой перспективный одесский адвокат Александр Леонидович Чернов вышел из машины и направился к зданию суда. «Я их сделаю сегодня! Я их так сделаю, что в следующий раз, только заслышат обо мне, их будет пробивать дрожь и потеть ладошки. Я выиграю это дело или я не сын Леонида Ивановича Чернова!» – улыбался Сашка. Тут он заметил прижавшуюся к забору пожилую женщину.

– Вам плохо? – взял Сашка женщину за локоть, – да вы голодны! Семен! – позвал адвокат своего водителя.

– Да, Александр Леонидович, – подбежал водитель.

– Посади женщину ко мне в машину. Купи ей поесть. Купи кефир, булочку... Апельсины, сыр... Только не всё сразу давай. Частями. Никогда, никогда люди не должны голодать! Я это навсегда запомнил... Тогда ещё, в феврале 1994-го...

Отрада

Весёлой детской гурьбой со смехом, криками, писканиями и брызгами выбегаем из моря, падаем животами на песок пля-

жа «Отрада» и, тяжело дыша, замолкаем. Море монотонно накатывает на песчаный берег ленивой волной, солнце и ветер сушат наши тела и придают им бронзовый оттенок, чуть левее в бухте стоит плавучая городская легенда и мечта всех одесских мальчишек судно «Экватор».

– Саня, а кем ты хочешь быть? – спрашиваю я смуглого кареглазого, больше похожего на цыгана Сашу Хартмана.

– Не знаю... Буденным хочу быть! – смеется Сашка и машет вокруг головы воображаемой шашкой.

– Ой, я тебя умоляю, Саня, какой из тебя Буденный! – смеется с Саши круглолицая зеленоглазая Соня Пинкус. – У тебя ведь морда лысая, безусая.

– Отстань, Сонька! – огрызается Саша. – Усы дело наживное. Главное в седле хорошо держаться.

– Эх, нужно тебе это седло? – удивляется Соня. – А я хочу быть мамой. Моя мама говорит, что это самая лучшая и нужная профессия в мире.

– Ты? Мамой? – удивляется Саша и начинает понарошку, деланно смеяться. – Ой, не могу! Сонька-мама! Ха-ха-ха! Где же ты детей возьмешь, чтобы мамой стать?

– Мама говорит, что детей даёт любовь, – серьезно ответила Соня и, зажмурившись, добавила, – сильная-сильная любовь, такая сильная, що аж до смерти!

– А я хочу моряком быть. Как мои дед и отец, – задумчиво перебил я Сонины мечты. – Хочу мир увидеть. И трубку курить, и хрипло разговаривать, сделаю наколку корабля в

море на руке, как дед.

– Классно, – восхитилась Соня и, глянув на Саньку, добавила, – по крайней мере лучше, чем безусый Буденный.

...Августовский зной 1991 года доставал даже в здании аэропорта.

– Эх, ребята... Увидимся ли еще? – обнял я Саньку и Сою.

– Андрюша, не задерживайся здесь. Этой стране уже сделали смертельную инъекцию. Это я тебе как врач говорю. Её ждет разложение на гнилые смердящие червивые куски. Нельзя жить в трупe, Андрюша! Если что, мы тебе организуем выезд в Германию по первому твоему слову, да, Шурик? – нежно смотрит Соня на мужа Сашку. Сашка утвердительно кивнул и отвёл помокревшие глаза в сторону.

– Да куда мне ехать, ребята? Я не немец и не еврей, родня вся здесь. Так что жить и помирать мне суждено в Одессе...

– Ох, Андрюша, поверь моей еврейской интуиции, – очень серьезно посмотрела на меня Соня, – здесь в ближайшие несколько поколений кроме хаоса ничего не будет. А если на Украине хаос, то будут вешать. И вешать одних за шею, а других за национальность. Поэтому я хочу наших будущих детей оградить от этого всего...

Через час самолёт взмыл в небо, навсегда унося от меня моих друзей, детство, страну...

Жорик-скрипач

Зима. Та её пора, когда Город оживает после долгих зим-

них праздников, Новый год и Рождество уже позади и народ, устав от непосильного отдыха, возвращается к обычным будням.

Зима... Старая уютная двух-трехэтажная Молдаванка согревается, прижавшись спинами дворовых флигелей с индивидуальным отоплением, автолюбители очищают от снега свои авто и дворы, а домохозяйки снимают с бельевых веревок хрустящее, пахнущее морозом и морем белье...

Ветер бьет мелкими колючими снежинками в лицо, заставляя нас с Жориком чуть наискосок вниз опустить головы и прикрыть лица щитком из ладоней, а наших четвероногих спаниелистых друзей прижаться к нашим ногам и передвигаться в такт с нами. Перейдя от сквера через дорогу на Болгарскую, мы попали в настоящий ураган, наметающий сугробы вокруг одинокой чужой и чуждой здесь строящейся высотки, заунывно завывающей и стонущей на ветру беззубыми провалами дверных проёмов и пугающей Молдаванку своим громадным темным остовом. Впрочем, Молдаванка отвечала этому исполинскому чудовищу взаимностью и метко прозвала высотку «Скелетом».

– Жора, кажется, прогулка закончилась. Пошли в «Здрас-ти» выпьем по глинтвейну, или я не отвечаю за своё здоровье, – прогудел сквозь ветер на ухо приятелю я.

Жора согласно кивнул головой, и мы направились в кафе.
– Понимаешь, Андрей, – запальчиво тараторил уже пьяненький Жорик, – музыка – это душа, уносящаяся во Все-

ленную. Музыка – это самое ценное, что есть в мире. Музыка и есть жизнь, а мы тут лишь для того, чтобы эту жизнь родить. Вот послушай!

Жорика и его скрипку все давно уже знали, поэтому никто не удивился дальнейшему, все отложили в сторону свои дела, разговоры, тарелки, рюмки и замерли в ожидании. Жорик достал из-за пазухи старого серого пальто скрипку и в этот раз заиграл увертюру концерта для скрипки с оркестром Мендельсона. Жорик скрипкой плакал, стонал, пел, рвал свою и посетителей души на мелкие клочки и снова собирал их обновленными и чистыми, как после бани. Перестав играть, Жорик минуту постоял с закрытыми глазами в полной тишине, потом глянул на меня мутными глазами безумца и торжественно спросил:

– Понял?

– Понял, Жорик. – кивнул я скрипачу.

– Говорят, в Одессу приедет молодой Пронин. А это школа Столярского. Обязательно пойду послушать!

...Была весна, расцвела акация в палисаднике скрипача. Жорик в гостинной играл «Весну» из Вивальди. Вдруг музыка прекратилась, послышался стук скрипки о пол и последовала тишина.

Супруга Жоры Анна перестала возиться с цветами в палисаднике и вошла в дом. На полу валялись скрипка и смычок. Жорик полулежал, опрокинутый в кресло мгновенной смертью, безвольно раскинув руки в стороны и обратив улы-

бающееся безжизненное лицо к потолку...

...Жаркий душный летний вечер. Звонок согнал меня с уютного дивана и погнал открывать дверь. На пороге стояла вдова Аня.

– Андрюша! Твой племянник Костик ведь ходит в музыкальную школу на скрипку?

Я утвердительно кивнул. Аня протянула мне скрипку.

– Вот, возьми для Костика. Жорик говорил, что скрипка не должна молчать. Скрипка должна дарить жизнь...

Нити жизни

Звонок в дверь.

– Кто? – недовольно пробасил я.

– Добрый день. Вам письмо. – холодный, казенный, хоть и женский, голос за дверью.

– Письмо? – удивился я и открыл дверь.

– Да. Вот ваше письмо. Ящиков почтовых у вас нет, – несколько осуждающе заметила женщина-почтальон.

– Спасибо. – улыбнулся я представительнице вымирающей профессии.

Письмо было от бабушкиной подруги тети Лизы, переехавшей с мужем и сыном Сашей ещё лет двадцать пять назад, на сломе эпох, в Калининград. Почему переезжали? Зачем именно в Калининград – я уже не помню. Да и какая теперь разница? Помню только, что муж тети Лизы, Николай Вениаминович, был каким-то портовым начальником.

...Это сколько ей сейчас лет? – вспоминал я, вскрывая конверт? Восемдесят? Восемдесят пять?..

Саша был их поздним и единственным сыном. Родила его тетя Лиза уже после сорока, и из письма я узнал, что через два года после переезда он погиб. Ехал с компанией с рыбалки и разбился на машине. Муж тети Лизы умер лет десять назад. Диабет, усугубленный инсультом, не способствовали полноценной жизни, и последние полгода своей жизни Николай Вениаминович провёл прикованным к кровати, а тетя Лиза была прикована к больному супругу.

А ведь я помню Николая Вениаминовича пузатеньким весельчаком, который на юбилее мой бабушки в ресторане «Варна» недвусмысленно за ней ухлестывал, постоянно приглашая её на танец и что-то шепча ей прямо в ушко, вызывая этим злую ухмылку моего деда и пристальный взгляд тети Лизы. Бабушка старалась держать пухленького Дон Жуана, пытавшегося прижать её к себе, на расстоянии, было видно, что ей приятно мужское внимание и в то же время она было неловко...

...И вот спустя более четверти века это письмо... Письмо из прошлой жизни, другой, позапрошлой эпохи. Нет уже моей бабушки, нет ресторана «Варна», нет моего деда с демоническим взглядом Отелло. И пухленького Дон Жуана тоже нет, а есть в далёком Калининграде умирающая в пустой квартире одинокая женщина, которую связывают с реальной, сегодняшней жизнью только ниточки воспоминаний...

И одной из таких ниточек являюсь я...

Тариф на голод

– А лло, добрый день, Андрей. Это Эмилия Борисовна вас беспокоит. Мама Мишеньки. Вы меня помните?

– Эээ... Пытаюсь вспомнить... Добрый день.

– Ну как же! Ведь вы с Мишенькой учились в одной школе! Но только он на семь лет младше. Вспомнили?

– Не совсем. Так чем обязан, Эмилия Борисовна?

– Ну как же вы не помните моего Мишеньку? Помните вы с Геной Черновым кинули какую-то шумную бомбочку в кабинет физики моему брату Науму Борисовичу? А Мишенька всё видел и рассказал дяде. Мишенька уже тогда был очень честным!

– Ах да! Племянник нашего физика! Теперь я понял, о ком речь... Так чем обязан? Предупреждаю сразу, что никакие бомбочки с тех пор я не делаю и в кабинеты преподавателям не кидаю, – пошутил я.

– Ха-ха-ха! Нет, что вы, Андрюша! Я к вам обращаюсь по вашей специальности. Мне рекомендовали вас как серьезного специалиста в области недвижимости. Вы не могли бы ко мне подъехать? – дальше был назван адрес.

... В кооперативной «хрущёвке» на одесских Черёмушках меня встретила молодящаяся крашеная блондинка неопределённых лет со взбитой копной редких волос над широким породистым лбом, густо подведенными глазами и ярко окрашенным мягким влажным ртом.

– Как хорошо, что вы таки нашли мене минутку! У меня такое горе, такое горе!

Всё говорило о том, что горе Эмилии Борисовны явно поправимо, поэтому я не стал делать из себя участника траурной процессии и просто вопросительно поднял брови.

– Вы помните моего Мишеньку? – вернулась из горестного плена хозяйка квартиры.

– Эмилия Борисовна, уже два часа как да.

– Так мой мальчик, мой Мишенька, моя кровинушка голодает!

– Э-э-э, у меня тут с собой... – начал я рыться в портмоне.

– Андрюша, ну что вы! Вы меня не так поняли! – Эмилия Борисовна положила свою ладонь на мою руку с портмоне. – Мой мальчик не здесь. Он в Австрии, в Инсбруке.

– Где? – удивился я. – В Австрии?

– Да, он учился в Германии, там познакомился с австрийкой из хорошей еврейской семьи, женился. Там у её папы какая-то фирма, связанная с компьютерами... Я не сильно разбираюсь... Мишенька ему помогал. А потом эта австриячка «наставила ему рога». Андрюша, вы же помните, какой у меня Мишенька горячий мальчик! Он таки не сдержался и немного стукнул эту гулящую тощую воблу. Ой, Андрюша, и що тут началось! Полиция, суды! Теперь мой мальчик сидит в этом их Инсбруке в съемной квартире и голодает, а я шлю ему деньги. Вот сейчас надо срочно отослать 500 евро.

– Не совсем понимаю, зачем голодать за 500 евро в Ав-

стрии, когда это можно делать в Одессе и совсем бесплатно!

– Андрюша, вы таки выросли умным мальчиком! Я так Мишеньке и сказала! Зачем ему эта Австрия с гулящей женой, которую даже нельзя стукнуть немного по заднице? Пусть едет ко мне и голодает в двух кварталах от Привоза на маминых котлетках.

– Очень правильно вы решили, Эмилия Борисовна. Но я не совсем понимаю, чем я могу помочь.

– Ах, ну да. Эта квартира мне досталась от покойной сестры. Я после Мишиных австрийских судов немного стесненно себя чувствую в средствах. Решила её сдать.

– Думаю, что этот вопрос мы решим...

30 декабря

Зима. Декабрь прощается с Одессой порывистым пронизывающим ветром, качающим одинокий фонарь на старинной улице Молдаванки. Фонарь скрипит, пищит и даже жалобно гудит своей металлической обёрткой вокруг тусклой лампы, освещающей улицу сквозь густо хлопьями наискосок падающий снег.

«47. Сорок. Семь. Вчера, 29 декабря, мне исполнилось сорок семь... Сорок семь – это уже даже не пограничные сорок пять и тем более не зрелые сорок. Это уносящиеся минутами дни, превращающиеся в пожирающие жизнь месяцы, которые ударяют Днём рождения, как обухом, и через два дня добивают курантами Нового года, как контрольным выстрелом в ухо загнанную лошадь. Сорок семь... Сорок семь!

Да не может быть! Сколько у нас в среднем живут? 65? 68? Так это сколько мне ещё осталось? Лет двадцать? И уже не самых лучших двадцать лет, в которые войдут бессонницы, больницы, проблемы с сердцем, радикулиты, простатиты и другие возрастные прЭлести... Кафе. Зайти?»

Старое кафе «Шарманка», помнящее ещё, как канувшее в Лету ОБХСС уводило канувшего туда же директора Моисея Борисовича Штурмана. Спустя двадцать лет кафе купил сын Моисея Борисовича Саша. Здесь мало что изменилось с середины 80-х. Не изменилась даже фамилия на табличке в кабинет администратора.

– Андрей, моего папашу погубили неумение ждать и жадность. Подожди он еще пять лет, и это кафе упало бы ему в руки спелым яблоком, и мне бы не пришлось его покупать за бешеные деньги! – делился своим взглядом на семейный бизнес Саша, наливая мне рюмку «Столичной». – Ну вот скажи, не оказался он в итоге поцом, подставив меня на такие бабки?

– Шурик, человек, вырастивший такого умного сына, поцом быть не может.

– Вот умеешь ты вывернуть мене мозг шиворот– навыворот.

Выпив рюмку водки и заказав кофе, я сел в дальнем углу у окна.

«Завтра Новый год. Шампанское, оливье, красная икра, мандарины, запах елки, «С легким паром» и ожидание чуда.

Чуда не будет. Будет 1 января, чувство тяжести в желудке и пустота бездействия до самого Рождества. Хорошо, что заказал путёвку в Буковель...»

– Привет, Андрей. Что, после Дня рождения отходишь? Слабак! Я в твои годы по три дня дни рождения гулял. Сейчас уже так не могу. Сейчас после праздника утром рюмочку выпиваю – и к своей Марковне под одеяло греться, – присаживался за мой стол дед Миша, девяностолетний сосед с хитрыми, чуть раскосыми живыми карими глазами и редкими свалывшимися седыми волосами над покрытым старческими пигментными пятнами лицом.

Официантка Катя поставила перед дедом Мишей графинчик с водочкой и тарелку с нарезанной селедочкой, украшенной по краям лимоном и маслинами.

– Спасибо, внучка! – приобнял за талию Катю старик. – Иди, дорогая! – и игриво шлепнул официантку по аппетитному заду.

– Так что грустишь, Андрюша? – озорно метнул в меня карие глаза дед, – тяпнешь со мной водочки?

– Я грущу? Дед Миша, с вами вся грусть Вселенной кажется лёгким недоразумением. – я поднял рюмку, – за ваше здоровье!..

...В этом году мне исполнится 48 лет. И я очень хочу встретить 30 декабря в старой «Шарманке» у Саши деда Мишу.

Часовщик

Осенний холодный ветер катал кленовые листья по узким латкам асфальта на пешеходных дорожках старого сквера. Именно осенью, когда солнце перестает играть, заглядывая лучиками во дворы, и бить светом в старенькие, выдавшие интервентов и Мишку Япончика, окна, Молдаванка под стать погоде становится для случайно забредшего сюда туриста серой, холодной и неудобной. Именно такая погода гонит и местных жителей в свои теплые, с индивидуальным отоплением квартиры в закрытых глухих дворах или в уютные местные кафе и пивные с неприглядными вывесками, но с домашней обстановкой, вкусной, для своих, закуской, свежим пенящимся неразбавленным пивом и ароматом свежезаваренного кофе.

– Тосечка, мене кофе, – крикнул я полногрудой ярко накрашенной молодящейся блондинке за стойкой, присаживаясь за дубовый стол.

– С коньяком, Андрюша? – приветливо улыбнулась мне Тося.

– Давай с коньяком, – поежился я, глядя на начинающийся дождь за окном.

В кафе было пусто, тихо стонал блюзом саксофон. Но это сейчас пусто. А вечером, когда Тосю за барной стойкой сменит её муж Семёныч, в кафе, будет полно разношерстного люда...

Будут не дострелянные в 90-е, пережившие своё время широкоплечие квадратнолицысе поседевшие и обрюзгшие

бандиты, переквалифицировавшиеся в хозяев СТО или шиномонтажа, также будут худые и юркие, как подростки, воры-опиатчики, степенные, выдавшие виды таксисты, случайные, прячущиеся от непогоды загулявшие парочки. И за всей этой публикой, опершись могучими волосатыми в наколках руками на барную стойку, будет зорко следить Семёныч...

– Вот твой кофе, Андрюша, – оторвала меня от созерцания дождя за окном Тося.

– Спасибо, Тосечка. Семенычу привет.

– Передам. Что-то ты совсем нас забыл, не заходишь.

– Да замотался я. Прихожу домой усталый и сразу спать.

– Не забывай нас.

– Договорились, – улыбнулся я Тосе.

– Вы таки хотите знать, где я потерял эту чертову ногу? – вырвал меня из плена задумчивости хриплый простуженный голос.

Я с недоумением поднял глаза и увидел присаживающегося за мой столик одноногого, на костылях, старика, одетого в серый чистенький, с потертым воротником пиджак поверх застегнутой на все пуговицы синей рубашки. Тося принесла ему бокал пенистого темного пива.

– Люди перестали общаться, – сделал глоток пива одноногий. – Вы там тыкаете пальцем в свой телефон и думаете, что это и есть общение. Иллюзия! Что в общении может заменить глаза собеседника? Его выражение лица? Его голос? Вот то-то! А вы говорите – телефон. Ерунда ваш этот теле-

фон! Симулякр!

Я с интересом слушал.

– А ногу я в Афгане потерял. В 88-м. По нужде отошел, ну и подорвался. В себя пришел, когда меня несли обосранного и без ноги к вертушке. Вернулся героем, квартиру дали, женился, пошел работать. Я тут рядом, на Алексеевской работаю, часы ремонтирую...

– Точно! А я все думаю, где мог вас видеть! Вы мне отцовские «командирские» чинили.

– Да-а... – не слышал меня старик, – а потом, когда не стало моей страны, я перестал быть героем. «Мы вас туда не посылали» – говорили они мне, когда я пересмотра пенсии добивался. Зина моя померла. Сердце. Говорят, что в Германии можно было вылечить. Но кто я и где та Германия! Я бывший герой и часовщик. На Германию денег не было, и моя Зиночка умерла...

Старик дрожащими губами допил пиво, взял костыли, шумно встал из-за стола и медленно направился к выходу.

– Если что с «командирскими» будет не так – заходите. – оглянулся он в дверях и устало, вымученно улыбнулся...

«А ведь по годам службы выходит, что он мой ровесник!!!» – вдруг холодом обдало мне затылок...

Брошенная жизнь

Лежу на диване в темноте с закрытыми глазами. Тишина. И темнота. Вот так бы хоть пару дней. Никого, совсем никого и ничего не видеть, не слышать. Ни рекламно-навязчи-

вой пропаганды телевизора, ни кричащего яркими фейками и новостями интернета, ни сводящего скулы тёрпкостью айвы телефона. Тишина... Вот так хотя бы пару дней... Или недель...

«Я прошу, хоть не надолго,
Боль моя, ты покинь меня,
Облаком, сизым облаком,
Ты полети к родному дому,
Отсюда к родному дому»... –

запел любимым Штирлицем ненавистный телефон, и я с досадой ответил:

– Да!

– Привет, Андрей, – услышал я голос старинного, как сама моя жизнь, друга Саши. – Я тут возле твоего двора, у меня 0,7 «Столичной», маслины, грибочки, сыр, капусточка, сырокопченая колбаска и томатный сок.

– Проблемы с Ларисой? – спросил я.

– И откуда ты уже всё знаешь? – с ревнивым подозрением поинтересовался Саша.

– Ой, тоже мне новость! А чего ещё ты будешь крутиться с водкой и закусоном в 10 вечера у моего двора? Шурик, не делай мне тут хохму на ночь.

– Ну да, ты прав, с Лорой проблемы... – как-то совсем тускло ответил Саша.

– Думаю, что томатный сок таки будет лишним. И що ты там стоишь, а ещё не здесь? – раздраженно ответил я, пони-

мая, что спокойного вечера в тишине уже не будет, а завтра не будет здоровья как минимум до обеда...

– Ну и что они тебе предложили? Опять идешь мотористом за эти несчастные полторы тысячи евро в месяц? Саша, разве я выходила замуж, чтобы сидеть дома и за полторы штуки ждать тебя и растить твоего сына пока ты болтаешься где-то в море как дерьмо в проруби?

– Лора, ты за кого выходила замуж? Ты что, не знала, что я моряк? Что я моторист?

– Вот именно, что я вышла замуж за моториста и за 25 лет ничего не изменилось! Ты как был четверть века назад мотористом, так им и остался! Вон другие, тот же Толик, уже капитан! У них уже и дом на 15-й Фонтана, и домик в Испании. А мы как жили на этой вонючей Молдаванке – так и живём.

– Если тебя я не устраиваю таким, какой я есть, то я силой не держу.

– Значит, развод! – зло поставила точку в разговоре и в совместной жизни с Сашей Лариса.

– Вот такие дела, Андрюша, – подытожил свой рассказ друг, разливая по рюмкам водку, – она меня бросила, выкинула из своей жизни, как будто и не было ни общих двадцати пяти лет жизни, ни общего сына.

– Знаешь, Саня, это она не тебя бросила, это она себя бросила. И свою жизнь. И уже вряд ли сможет её найти...

В следующий рейс Саша ушёл уже холостяком.

...Прошло два года. Как-то вечером зазвонил телефон.

– Андриюшенька, привет! Как дела? – промурчал игриво голос Ларисы.

– Привет!

– Слушай, у нас тут с мужем некоторые трудности с банком. А! Ха-ха, ты же не знаешь! Я вышла замуж, супруг бизнесмен, и у нас временные трудности с банком. Его квартира под кредитом, и мы решили продать мою, что осталась от родителей, чтобы вложить в бизнес. Ты нам поможешь с продажей?..

Бежевые обои

Аркадий лежал в своем доме на Большом Фонтане в комнате с бежевыми итальянскими обоями. Он умирал. Умирал тяжело, ему огромной гирей давило грудь, жгло внутренности так, что уже не помогали ни морфий, ни ледовый компресс. Рак... Он не разбирает президент ты или клошар, живёшь на вилле с видом на море или в трущобах Пересыпи. «Обои, как раздражают эти чёртовы бежевые обои... Кажется, в Риме меня уговорила купить их Люся...» – подумал Аркадий.

– Лю-ю-юся! – прокричал Аркадий, но вышел не крик, а лишь полушёпот-полустон.

– Что, Аркашенька? Я здесь, я с тобой, любимый, – выдавила из себя Люся и отерла мокрый лоб мужа.

«Люся... А ведь она до меня была Генкиной невестой. Отбил я тебя, Люся...»

– Что ты, милый, не бил ты меня никогда, – ответила Лю-

ся и повернула полное отчаяния лицо к домашнему доктору Виталию Арнольдовичу, – бредит.

– Не мешай. Я вспоминаю, – опять прокричал полусшепотом Аркадий.

«Да, Генка... Друг. Нет, не друг. Почти брат. Брат, но только не по крови, а по жизни. Сколько себя помню – всегда был рядом. И даже после того как Люська из его невесты превратилась в мою жену...

...Помню, купили у Сёмы в складчину старый мопед «Верховину» за 30 рублей. Долго, бесконечно долго собирали на него. Насобирали 18 рублей. Отец сжалился и добавил 12 рублей. Но с условием, что учиться кататься будем при нём. А потом пожалел, что добавил денег. Мопед он называл дикой необъезженной кобылой и успокаивало его только то, что он чаще был поломан, чем ездил...»

– Ой, больно! – зашептал Аркадий, – давит, горит внутри.

– Виталий Арнольдович, может, ещё укол ему?

«Да... А потом мы мопед продали. Этому болвану Липицкому Олегу. За 50 рублей. Ха-ха! Ну не поц? Купить то, что ездит даже не через раз. Я потом, уже в кризис 2008-го, видел Олега. Он рылся в альтфатере на Комитетской возле универсама. Увидел меня и отвернулся. Аж покраснел. Наверное, от злости. Не может тот мопед простить.»

А потом мы с Генкой в складчину купили старый горбатый «Запорожец». Даже ездили на нём без прав. И ни разу не попались ГАИ. Так и сгнил он потом в нашем дворе под

старой ивой. А потом кооператив с Генкой открыли. А тут в соседнем дворе вдруг превратилась из гадкого утенка в белого лебедя Люська. Ей было 18 лет, когда Генка ввел ее в наш круг своей невестой. Через год должна была быть свадьба. Свадьба была через год, но Генка был на ней шафером, а женихом – я.

...Эх-хэ... Ой как давит, как же жжёт грудь....

К концу 90-х у нас с Геной уже были пошивочный цех, магазин и два контейнера на 7-м километре. А потом пришли бригадные. Платить им, видите ли, надо. За «крышу». Я знал взрывной характер Генки. Он, конечно, платить отказался бандитам. А я отошел от споров в сторону и уехал отдыхать в Рим. И там мы купили эти ненавистные бежевые обои. Ненавижу их! Но в то же время благодаря им я всё помню...

А Генку тогда застрелили. Я знал, что так всё закончится, и поэтому даже не отговаривал его от споров с бандитами. Застрелили его на входе в парадное, выстрелили в затылок почти в упор, лицо разворотило так, что хоронили в закрытом гробу. С бандитами я договорился, маме Гены даже помогал потом первое время. Но фирма, как и Люся до этого, была уже моей. Только моей!

...Ой, как всё болит, жжёт внутри, как давит на грудь!..

Всё, всё бы отдал, бизнес, дом в Италии, эту виллу, деньги, – только бы снова дышать... Свободно, без боли, дышать... Как тогда, когда собирали с Генкой складчину на мо-

пед...»

Письмо из прошлого

Мы перестали писать письма. Не стучать подушечками пальцев по клавиатуре, не жать пальчиком экран телефона, а именно писать. Хотя бы шариковой ручкой. На тетрадном листе. И только это вождение пером или ручкой по шершавой бумаге и можно назвать письмом. А всё остальное всего лишь сообщением.

– Андрюша, помоги мне с верхних полок всё достать. Тут так всё запылилось! Хочу прибрать, – поднимает меня с дивана супруга.

Достаю лестницу, дотягиваюсь до самых верхних полок шкафа, здесь фамильные альбомы, аккуратно сложенные в коробки и стянутые верёвками старые, ещё дедов-прадедов документы. Беру, стараясь объять как можно больше этой старины, чтобы спустить вниз, теряю равновесие и хватаюсь за шкаф, а всё фамильное ретро с грохотом падает на пол.

– Вот ничего нормально сделать не можешь! Смотри не убейся! – прибежала на грохот жена.

– Не ворчи. Сейчас всё сложу, – сажусь я на корточки и начинаю разгребать на полу завалы.

– Я не ворчу, а переживаю. Снимешь всё – позовешь, – и супруга ушла на кухню.

Собираю и аккуратно складываю в коробки старые дореволюционные и советских времён желтые черно-белые фотографии, документы, дипломы родителей, дедов и бабушек,

почётные грамоты, деда и бабушки боевые ордена и медали...

...А это что?

Меня привлек запечатанный конверт. Знакомый почерк. Да это же я писал! Кому? Родительский адрес. Из города Бендер, Молдавской ССР. Я там был на практике в 1989 году. Интересно, что я там писал из Молдавии родителям? Вскрываю письмо. Ага, пишу, что всё хорошо, привык к жизни в общежитии, много работаю, прихожу с работы и сразу ложусь спать. Да, и еще прошу выслать мне рублей 50. Вру, конечно. Нет, я работал, но не приходил сразу спать. Нас тогда из Одессы человек 12 на практику приехало. Какое там спать, когда ранняя осень 1989-го антиалкогольного года, в магазинах «Букет Молдавии», в парке Горького дискотека с бутусовским «Я хочу быть с тобой», рядом местная девушка Алена с огромными синими глазами и поцелуем, пахнущим утренней свежестью, и тебе 19 свободных студенческих лет. Так что если я и спал, то на работе в обеденный перерыв. Или не спал в общежитии с Аленой.

Ну а потом, когда вернулся в Одессу, затерявшееся в чреве Почты СССР письмо пришло. Я достал его из ящика и кинул в письменный стол, откуда со временем с кучей фотографий оно и перекочевало в фамильный архив...

...Уже давно нет родителей, Молдавской ССР, антиалкогольной компании, той страны, и никто никому не пишет письма. Да и девушек интересуют уже не так я, как мои фи-

нансовые возможности, которые трудно назвать большими, но поцелуй юной свежести и огромные голубые глаза, разбуженные письмом из прошлого, снова возродились в моей памяти...

Код доступа

Я бегу по пустынному берегу, чайки с криком кружат над невидимым косяком рыбы, выдергивая клювом из пучины блестящие рыбешки, море по-осеннему темное, ревущее, волны накатывают со стоном на песчаный берег и омывают мокрым холодом мне ноги.

– А вот и не догонишь, а вот и не догонишь, – кричу я старшей сестре Зине.

– Андрюша, немедленно отойди от воды! Море уже холодное! – кричит Зина.

– А ты догони, тогда отойду! – дразню я сестру.

– Не буду догонять, а если не отойдешь от воды, тогда вообще уйду и играть с тобой не буду!

– Зина, ты куда?! Зин... Дзин... Дзин-дзин...

Звонок в дверь вырывает меня из морского побережья на Каролино-Бугазе, из моего детства и бросает на кровать моей квартиры на Молдаванке. Дзи-и-ин, дзин – истерит звонок, потом стук.

– Кто? Зина, ты? – подошёл я к двери, ещё не отделяя сон от реальности.

– Андрей, это я, – слышу через дверь голос соседки Му-си. – Открой! Толик развязал, кодировка закончилась, на-

жрался как свинья и грозит меня застрелить!

– У него есть оружие? – спросил я, открывая дверь.

– Нет. Но сам факт! Какая чёрная неблагодарность!

– Таня! – прерывая монолог о неблагодарности Толика, зову я супругу, – постели Мусе в детской, а то Толик снова стал поцем. Причем в этот раз ночным.

– Ой спасибо, соседи! Ой спасибо! – чуть не плакала благодарная Муся.

Легли, только проваливаюсь в сон – удар в дверь, ещё удар, ещё...

– Андрюха, открывай, я знаю, что шалава Муська у тебя! Отдай её мне, и я не расстреляю и сохраню тебе жизнь.

Открываю. Толик расставил руки, упершись кулаками в косяки двери, и дикими бычьими глазами сверлит меня ненавистью.

– Какого чёрта тебе надо в четыре часа утра? – спокойно спрашиваю я.

– Отдай мне Муську.

– Её нет у меня.

– Дай проверю.

– Ты совсем берега попутал, дружище! Четыре утра! Дома спит семья, и ты думаешь, что я вообще кого-либо пущу? Толя, не делай мне нервы, а себе горе! Нема тут твоей Муси. Дома все спят давно.

Толик на секунду ушел в себя, опустив голову на грудь и выставив моему взору лысеющую макушку.

– Точно? – поднял на меня сверлящий взгляд сосед.

– Точно.

– Пошли ко мне выпьем?

– Пошли, – вынужденно соглашаюсь я.

– У меня кодировка закончилась, хе-хе, – пьяненько смеется Толик, – теперь у меня другой код, хе-хе. Код доступа к бару. У меня дома в баре що хочеш есть. И виски, и водки всякие, и коньяки...

Заходим к Толику, на кухне сидят соседи Денис и Зяма, играющий на гитаре.

– А вы тут как оказались? – удивляюсь я.

– Так Муся у нас пряталась. У меня в час ночи, а у Зямы в полтретьего.

– М-да-а... – тру я висок. – Давайте напоим его быстрее, уложим спать и по домам!

– Ага! Это кто ещё кого напоит, – перебирая струны кисло улыбнулся Зяма.

– А вот и я! – ворвался в кухню с двумя «Столичной» повеселевший Толик, – ну що, пацаны, Андрюхе штрафную 200 грамм, нам – по соточке. Зяма, давай нашу, родную. «Как упои-и-ительны в России вечера-а-а...»

Творческий улёт

–Ой, добрый день, как хорошо, що ви таки пришли! Мне так надо продать эти мои две комнаты в коммуне. Знаете, устал от соседей, – оглянулся мужчина, – особенно в последние годы. Появилась в обществе такая агрессия, такая

нетерпимость к творческим людям, що прямо жуть! Прямо сил нет. Ой, простите великодушно, я не представился. Вениамин Иванович Аленький. Аленький – это фамилия, ха-ха, смешно, правда?

– Что вы, нисколько. Очень приятно. Андрей Витальевич, – представился в ответ я.

– И мне приятно. Ой, у меня тут некоторый беспорядок, знаете, всё некогда... Так неудобно!

– Вениамин Иванович, не стоит так переживать. Стесняться своей недвижимости перед риелтором – это как стесняться болезни перед врачом.

– Ой, спасибо.

Тут я обратил внимание на одну из картин, висящую на самом видном месте. Картина вызвала настолько глубокое недоумение, что приковала меня к полу и отняла речь. На большом полотне размашистыми мазками крупным планом было изображено анальное совокупление мужчины и женщины.

– Ага! вас тоже поразило творчество Ройтблада? Я ему так и сказал: Лёша – ты рождён поражать мир! Ви только посмотрите, какая экспрессия! Какая глубина!

– О да! Экспрессию и глубину я вижу... Кто, вы говорите, автор?

– Как кто? Это же Ройтблад!

– Что вы говорите! Такая приличная фамилия и вот такое... искусство! Никогда бы не поверил!

– Ви только взгляните на игру красок, на творческий полет! Я ему сразу сказал: «Леша, если ты мне не сделаешь копию этой работы – ты мой враг навеки!» И що ви себе думаете? Он таки сделал! А я ему сделал тоже копию лучшей своей работы! Хотите посмотреть? Она так и называется: «Полет».

– Вы думаете, что мне стоит увидеть ещё один полет? У меня больное сердце...

Но Вениамин Иванович меня не слушал и ринулся к старому огромному шкафу, порылся в нем и извлек на тусклый комнатный свет картину с изображением бабочки, летающей над ядерным взрывом.

– Ну что? И как вам мой полет? Полет жизни над смертью?

– Это гораздо лучше. И действительно полёт, а не улёт. Но давайте вернемся к недвижимости. Лучше начать с кухни и санузла, потом комнаты, а в конце хотелось бы взглянуть на документы...

Опасный возраст

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.